

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ С ПОЗИЦИИ ПЕРСПЕКТИВЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. В. Аверина

Московский государственный областной университет

INTERPRETATION OF GRAMMATICAL PHENOMENA FROM THE POINT OF VIEW OF THE PERSPECTIVE: SETTING THE PROBLEM

A. V. Averina

Moscow State Region University

Аннотация: цель настоящей статьи – рассмотреть возможность интерпретации грамматических феноменов с позиции перспективы. Это позволяет не только перечислить факты языка, но и объяснить особенности их функционирования. Показано, что принцип перспективы позволил грамматистам средневековья дать объяснение дифференциации слов по частям речи: глагол, имеющий формы наклонения и времени, отражает внутреннюю перспективу, имя существительное – внешнюю. Глагольные и именные категории также в ряде работ получают интерпретацию с позиции перспективы: совершенный вид отражает внешнюю перспективу, несовершенный – внутреннюю. Принцип перспективы в оценке синтаксических феноменов позволяет дифференцировать два типа предложений в соответствии с наличием в них иллокутивной силы: предложения с внешней и внутренней перспективой. Посредством использования описательного, сопоставительного и трансформационного методов показано, что предложения с внешней перспективой не способны содержать в своей структуре модальные маркеры, отражающие позицию говорящего: они представляют собой простые суждения, для них характерна коммуникативная одночленность и отсутствие временной референции. Большинство предложений данного типа содержат описание постоянных свойств предметов/объектов/явлений окружающего мира. Напротив, предложения с внутренней перспективой – это всегда сложные суждения, они коммуникативно бинарны и обладают временной референцией. Как правило, они содержат либо описание переменных свойств предметов/объектов окружающей действительности, либо действий/процессов. Предложенный подход позволяет раскрыть глубинную природу предложений с внешней и внутренней перспективой, дать объяснение возможности использования модальных маркеров в предложении, объяснить необходимые условия, при которых в высказывании может найти реализацию принцип внутренней перспективы.

Ключевые слова: внутренняя перспектива, внешняя перспектива, глагол, имя, иллокутивная сила предложения, временная референция.

Abstract: the purpose of the article is the interpretation of grammatical phenomena from the point of view of perspective. This allows you not only to name the facts of the language, but also to explain them. It is shown that the principle of perspective allowed grammarians of the Middle Ages to explain the differentiation of words as forms of speech: a verb having the forms of mood and tense reflects an internal perspective, a noun – an external one. Verbal and nominal categories can also be considered from the point of perspective: the perfect aspect reflects an external perspective, the imperfect aspect reflects an internal one. The principle of perspective in the evaluation of syntactic phenomena allows us to differentiate two types of sentences according to the presence of illocutionary force in them, videlicet, illocutive independent and illocutive independent clauses. Through the usage of descriptive, comparative and transformation methods it is shown that illocutive independent clauses are not able

to include modal markers which reflect the speaker's position: they are simple judgments and can be characterized by communicative monomaney and the absence of temporal reference. The most sentences of this type contain a description of the permanent properties of things/objects/phenomena of the surrounding world. They can be considered as sentences with an external perspective. On the contrary, illocutive independent clauses are always complex judgments, they are communicatively binary and have a temporal reference. As a rule, they contain either a description of the variable properties of things of the surrounding world, or actions/processes. These properties are used to characterize the internal perspective. The proposed approach allows us to reveal the deep nature of sentences with an external and internal perspective, to explain the possibility of using modal markers in a sentence, to explain the necessary conditions under which the principle of internal perspective can be realized in an utterance.

Key words: internal perspective, external perspective, verb, name, illocutionary force of the sentence, comparative grammar.

Введение

Исследователи в области лингвистики довольно часто прибегают в своих работах к понятию «перспектива» для объяснения ряда феноменов и решения множества задач теоретического и прикладного характера. Так, например, американский философ Д. Дэвидсон предлагает анализировать высказывание с позиции перспективы: наличие местоимения первого лица в предложении придает ему субъективность, второго – интерсубъективность, поскольку говорящий всегда ориентируется на собеседника, третьего – объективность [1]. Идеи Д. Дэвидсона нашли отклик в работах немецких исследователей – Ю. Хабермаса [2], Э. Лайсс [3; 4], С. Энгель [5], В. Кёллера [6] и др. Ю. Хабермас идентифицирует парадигму личных местоимений как грамматический коррелят системы трех перспектив, которой владеет каждый говорящий. Он рассматривает совокупность перспектив как нацеленные на понимание речевые действия, анализируя интеграцию перспектив участника и наблюдателя и описывая виды взаимодействия, в которой находят воплощение перспектива «я» и «ты» [2]. В. Кёллер [6] анализирует с позиции перспективы визуальное, языковое и когнитивное. Процесс восприятия, говорения, представления осуществляется именно с позиции перспективы, но по большей части В. Кёллер обращает внимание на речь. Довольно сложная задача – проанализировать грамматические феномены с позиции перспективы. Этот аспект отчасти получает освещение в работах Э. Лайсс: ей удастся объяснить закономерности функционирования грамматической системы немецкого языка с данных позиций: *Alle grammatischen Merkmale lassen sich unmittelbar oder mittelbar vom Standort des Sprechers ableiten*¹ [3, с. 285].

В данной публикации вслед за Э. Лайсс под перспективой понимается позиция говорящего, определяющая выбор грамматической формы с присущими ей характеристиками.

Анализ многочисленных работ Э. Лайсс [3; 4; 7–9], В. Абрахама [10] и М. Л. Котина [11–15] показывает, что объяснение функционального назначения целого ряда грамматических феноменов с позиции перспективы позволяет объяснить глубинные механизмы, лежащие в основе языковых изменений, причины существования частных грамматических категорий (например, специфической славянской категории вида в русском языке и категории определенности/неопределенности, существующей в немецком в системе артикля), а также факты межкультурального взаимодействия.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы предложить интерпретацию морфологических и синтаксических феноменов с позиции перспективы. Цель определила следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть историю вопроса, т. е. суть принципа перспективы, с позиции которого осуществлялся анализ языковых феноменов в Средневековой философии;
- 2) проанализировать понятие «перспектива» в интерпретации грамматических явлений в концепции Э. Лайсс;
- 3) предложить объяснение иллокутивной силы предложения с позиции перспективы, т. е. рассмотреть синтаксический аспект реализации данного принципа.

Материалы и методы исследования: для демонстрации языковых феноменов были использованы данные Национального корпуса русского языка и корпуса DWDS. Для проведения анализа были использованы следующие методы: метод трансформации, посредством которого были выявлены аграмматичные формы; метод компонентного анализа, позволивший выделить общие свойства предложений с внешней, внутренней перспективой; описательный метод, при использовании которого была предложена интерпретация языковых явлений. При изложении материала важно было выявить общие свойства, характерные для русского и немецкого языков, поэтому были использованы оригинальные тексты из корпусов. Всего было проанализировано

¹ «Все грамматические признаки определяет позиция говорящего» (перевод наш. – А. А.)

свыше 1000 примеров, в статье приводятся только типичные случаи.

В качестве *теоретической базы* исследования послужили работы Э. Лайсс [3; 4; 7–9; 16], В. Абрахама [10], Х. Кизер [17], М. Л. Котина [11–15] и других исследователей.

Результаты исследования и их обсуждение

К истории вопроса: перспектива в Средневековой философии.

Перспектива в интерпретации имени и глагола

Исследованию вопроса о перспективе в Средневековой философии посвящены работы немецкой исследовательницы Э. Лайсс [7–9]. Ее можно считать представителем современного направления неокартезианской лингвистики. Остановимся на предложенном ею описании основных постулатов средневековых схоластов (речь идет о спекулятивной грамматике), в которых нашли отражение воззрения на язык и его свойства.

Как отмечает Э. Лайсс [7], модисты работали над грамматикой в период с 1250 по 1350 г. И. А. Перельмутер, анализируя схоластическую философию данного периода, отмечает следующее: «Понятие “причины” занимает важное место в системе схоластической философии: познать явление значит для схоластов выявить его причину. Они опираются при этом на одно из положений философии Аристотеля: “Мы полагаем, что знаем каждую вещь безусловно, а не софистически, привходящим образом, когда полагаем, что знаем причину, в силу которой она есть, что она действительно причина ее и что иначе обстоять не может... Мы тогда познаем предмет, когда знаем его причину” (Аристотель, Вторая Аналитика, кн. I, гл. 2)» [18].

Поясним термин «спекулятивная грамматика» (в немецкой терминологии – *spekulativ*). Он берет свое начало от латинского слова *speculum* (*Spiegel*) [7]. Основной постулат спекулятивной грамматики состоит в том, что язык представляет собой иконическое отражение действительности. Спекулятивная грамматика – это не просто теория, в которой в общем отражены закономерности окружающего мира в универсальном языке. Спекулятивная грамматика учитывает **возможные позиции наблюдателя** (*mögliche Standpunkte des jeweiligen Betrachters*) [там же], поэтому в русской терминологии ее с полным правом можно было бы обозначить как грамматику отражения субъективной перспективы. Спекулятивную грамматику интересуют различные модусы представления предмета (*Modi der Darstellung eines Gegenstands, modi significandi*), откуда и берет свое начало обозначение их как «модисты». Модисты исходят из двух постулатов:

1) в своем соотношении предметы окружающего мира и структура языка находятся в отношениях

иконичности, что и позволяет говорить об универсальной языковой структуре всех языков;

2) в языке находит дополнительное выражение перспектива наблюдателя (*Perspektive des Betrachters*) [7].

Э. Лайсс подчеркивает, что в процессе языкового обозначения задействованы две функции – отражение и перспектива отражения (*Abbildung und Perspektive der Abbildung*) [7, с. 61]. В процессе обозначения и перспективизации важны три уровня, которые показывают соотношение языка, мышления и действительности и, соответственно, три способа обозначения: *modus essendi, modus intelligendi* и *modus significandi*.

Modus essendi (модус существования) – первичный/онтологический уровень, образующий исходный пункт семиотического процесса; речь идет о свойствах вещи, рассматриваемых вне всяких связей и зависимостей (см. также [18]).

Modus intelligendi (модус познания) – познание реального мира бытия. Оно является результатом процесса, именуемого *impositio* (*impositor* – дающий имя, именующий), и предполагает отбор признаков реальной действительности. На первом этапе познающий неактивен, т. е. пока нет еще разделения слов на части речи, например, нет пока разницы между именем существительным *Leid*/страдание и глаголом *leiden*/страдать. На втором этапе наблюдатель становится активен. Это находит выражение в грамматических категориях, в которых реализуются способы обозначения действительности. Базовой категорией, которая служит исходным пунктом существования других категорий, является категория частей речи. Каждой части речи соответствует свой модус представления действительности.

Modus significandi (модус обозначения) позволяет представить предметы и явления окружающего мира с позиции перспективы, а именно с позиции внутренней и внешней перспективы. Сама по себе перспектива не меняет предмет и его сущность. Поэтому синонимом термина *modus significandi* выступает также термин *modus consignificandi*. Говорящий добавляет позицию наблюдателя, которая не заложена в самой объективной действительности.

Э. Лайсс представляет следующим образом процесс обозначения в языковой теории модистов (рис. 1).

Как пишет Х. Кизер [17], по мнению модистов, грамматика должна не просто представлять собой инвентарь форм и правил, но и давать объяснение грамматических явлений. Это становится возможным через выявление взаимосвязи между языком, мышлением и реальностью [7, с. 60; 17, с. 182]. Соответственно, средневековая философия модистов предлагает интерпретацию, или объяснение распределения слов по частям речи. Они получают толкование с

<i>Selektion von Merkmalen</i>	MODUS ESSENDI	Impositio 1: Die Wirklichkeit ist aktiv
Lexikon	↓	
<i>Selektion von Perspektiven</i>	MODUS INTELLIGENDI	Impositio 2: Der Betrachter wird aktiv
Grammatik	↓	
	MODUS SIGNIFICANDI	

Рис. 1. Двойной процесс образования знаков в языковой теории модистов согласно трактовке Э. Лайсс [7, с. 64]

позиции модуса обозначения (modus significandi). Модус обозначения позволяет объяснить взаимосвязь между частями речи и закономерности, определяющие их сочетаемость [17, S. 184]. Так, глагол и имя существительное в грамматике модистов получают интерпретацию как оппозиционная пара. В качестве примера Э. Лайсс приводит имя существительное *Leid* (внешняя перспектива) и глагол *leiden* (внутренняя перспектива). Отнесенность к различным частям речи отражает различные перспективы: имена существительные маркируют внешнюю перспективу, глаголы – внутреннюю, поскольку имеют формы наклонения и времени [7, с. 63]. В свою очередь, принцип перспективы находит свое выражение и в интерпретации грамматических категорий имени и глагола, т. е. имена существительные тоже могут быть разделены на обозначающие внешнюю и внутреннюю перспективу. В своей философии языка Э. Лайсс обращает внимание на то, что выбор грамматической формы определяет наше видение предмета. Оно не изменяет предмет сам по себе и не искажает его. Например, мы знаем о противопоставленности форм единственного и множественного числа, – речь идет о перспективах, не меняющих суть предмета. Это можно проследить на таком примере, как обозначение животных: *Tier*/животное, *Tiere*/животные (в данном случае принимается во внимание возможность указания на исчисляемость), *Vieh*/скот (на первый план выступает собирательность, неисчисляемость или обобщенность). Исчисляемость/неисчисляемость и предельность/непредельность – это и есть различные модусы обозначения, т. е. разное представление о вещи и видение предмета [7, с. 68]. Выбор нужной формы определяет перспектива.

С позиции речевых перспектив Э. Лайсс исследует категории вида и времени. По ее наблюдениям

вид – это категория, которая позволяет рассмотреть происходящее изнутри (из субъективной позиции) и извне (с объективных позиций) [3, с. 39]. Перспектива определяет, воспринимается ли происходящее (предмет или событие) как нечто целостное (внешняя перспектива, *Außenperspektive*) или нет (внутренняя перспектива, *Innenperspektive*) [3, с. 285].

Согласно концепции Э. Лайсс [3; 4], глаголы в немецком языке можно разделить на две группы:

а) группа предельных глаголов (глаголы типа *einschlafen, ankommen, eintreffen* и т. д.);

б) группа непредельных глаголов (глаголы типа *schlafen, lieben, gehen* и т. д.).

По терминологии Э. Лайсс, глаголы первой группы, т. е. предельные глаголы, кодируют в своей семантике *внешнюю перспективу* (*die Außenperspektive*), а глаголы второй группы – *внутреннюю перспективу* (*die Innenperspektive*). Обе перспективы базируются на характеристике позиции говорящего: внешняя перспектива отражает событие без привязки к наблюдателю, в то время как при характеристике действия с позиции внутренней перспективы говорящий/наблюдатель находится как бы в центре событий.

Интересными представляются наблюдения Э. Лайсс о том, что с позиции перспективы можно рассмотреть и имена существительные. Она предлагает разделить имена существительные на две группы: 1) существительные, обладающие признаком «внутренняя перспектива»; 2) существительные, обладающие признаком «внешняя перспектива». Существительные первой группы – слова, обозначающие исчисляемые предметы, например: *дом, стол, дерево*; существительные второй группы – слова, не имеющие денотата, например: *любовь, дружба*, или вещественные существительные – *деньги, золото* и т. д. Схематично это можно представить следующим образом (рис. 2).

Внешняя перспектива	Внутренняя перспектива
I Исчисляемые, напр. <i>das Haus</i>	II Неисчисляемые, напр. <i>das Geld</i>
I _____ I	I I I I I I I I

Рис. 2. Внутренняя и внешняя перспектива в семантике имени существительного в концепции Э. Лайсс [4]

Таким образом, как видно из обзора теоретического материала, грамматические категории имени и глагола могут также получить интерпретацию с позиции перспективы. В свою очередь, это может послужить альтернативным объяснением существования оппозиций в системе грамматических форм и лечь в основу исследований межкатегориального взаимодействия. С позиции перспективы можно трактовать и иные части речи – например, модальные слова (*vielleicht, wahrscheinlich, vermutlich* и т. д.) и модальные частицы (*ja, doch, denn* и т. д.). Они отражают позицию говорящего, и на этом основании их можно рассматривать как показатели внутренней перспективы. Примечательно, что не во всех предложениях эти слова способны иметь место. Объяснить это можно тем, что существуют предложения с внешней и внутренней перспективой. Остановимся на этом подробнее.

Исследование синтаксических феноменов с позиции перспективы

С позиции внешней и внутренней перспективы можно объяснить и ряд синтаксических феноменов. Один из них – иллокутивная сила предложения. Свойства иллокутивно несамостоятельных предложений рассматривались во многих работах [19–26], в том числе и в работах автора [27–29]. Иллокутивная сила предложения определяет возможность включения модальных маркеров в его структуру. Предложения, обладающие иллокутивной силой, способны иметь такие показатели, как модальные слова или модальные частицы, например:

(1) *Wir sind vielleicht zur Isolation verdammt – aber nicht zur Untätigkeit* (DWDS).

В предложениях, не обладающих иллокутивной силой, нельзя включить модальные показатели, например:

(2) *Es lebte einmal (*vielleicht) ein reicher Mann, der sich in Purpur und feines Leinen kleidete und Tag für Tag sein Leben genöß* (DWDS).

(3) *Es war einmal (*vielleicht) eine Wertegemeinschaft, die sich Europäische Union nannte* (DWDS).

Существенное свойство предложений этого типа состоит в их коммуникативной одночленности – высказывания (2) и (3) иницируют текст и содержат только ремю.

Иллокутивно самостоятельные предложения могут быть как синтаксически независимыми, как это видно на примерах (2) и (3), так и выступать в роли придаточных предложений. Остановимся подробнее на характеристике глубинной и поверхностной структуры предложений данного типа.

В работе Л. Хэгеман [24] получила освещение глубинная структура английского иллокутивно несамостоятельного предложения, эта идея находит дальнейшее развитие в исследовании М. Конильо [21]. Согласно концепции Л. Рицци [30] коммуникатив-

но-прагматическая схема предложения имеет следующий вид:

... *Force ... Topic ... Focus ... Fin IP...* ,

где *Force* – иллокутивный потенциал, определяющий тип предложения; *Topic* – топик, или объект; *Focus* – выделение новой, значимой в коммуникативном отношении информации; *Fin IP* – союз.

Л. Хэгеман [24] делит все придаточные предложения на центральные (иллокутивно несамостоятельные) и периферийные (иллокутивно самостоятельные). Иллокутивно несамостоятельные обладают сокращенной структурой (содержат только *Focus* и *Fin IP*), в то время как периферийные предложения полнозначны (содержат все четыре компонента – *Force, Top, Focus* и *Fin IP*).

Глубинная структура тесно связана с поверхностной: в этой связи в исследованиях последних лет немало внимания уделялось критериям разделения придаточных предложений на иллокутивно самостоятельные и иллокутивно несамостоятельные [19–27]. Иллокутивно самостоятельными называются предложения, способные иметь в своей структуре модальные частицы или другие модальные маркеры: модальные глаголы во вторичном (эпистемическом) употреблении, модальные слова и т. п. [21]. Это можно проследить на следующих примерах:

(4) *Ich möchte mit dir wegfliegen, Hanni, irgendwohin, wo es (*ja) warm ist* [31].

(5) *Sie gedeiht am besten dort, wo es (*ja) warm ist [...] [31].*

(6) *Er sagte ungefähr, dass sie ja (+vielleicht, +wahrscheinlich) fabelhaft aussehe, aber längst nicht so eine tolle Sängerin wie Adele sei* [31].

В примерах (4) и (5) модальные частицы не могут быть включены в придаточные предложения – в их роли выступают придаточные места, содержащие описание явлений природы. Придаточное объектное (6) содержит в своей структуре частицу, в него можно также включить модальные слова типа *vielleicht, wahrscheinlich* и т. п. Это позволяет рассматривать придаточное в (6) как иллокутивно самостоятельное, в то время как придаточные в (4) и (5) иллокутивно несамостоятельны. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в русском языке:

(7) *Он ушел туда, где (*ведь, *же, *наврное) наши олени, – сказал он Ябто* [32].

(8) *Я пела европейскую духовную музыку много и с удовольствием, но все чаще приходила мысль о том, что **ведь** я могла бы петь и нашу, русскую духовную музыку, в которой столько неизвестных широкой публике шедевров* [32].

В предложении (7) модальные маркеры недопустимы, в следующее высказывание (8) они могут быть включены.

Как показало проведенное автором исследование [28], придаточные предложения обладают различной степенью модализованности. Если ограничиться перечислением семантических, грамматических и коммуникативных свойств исключительно таких придаточных предложений, в структуру которых нельзя включить не только модальные частицы, но и любые другие модальные маркеры (например, модальные слова с эпистемической и эвиденциальной семантикой типа *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *vermutlich* и т. д.), то их можно свести к следующим [28; 29].

1. Коммуникативно одночленные придаточные (т. е. придаточные, содержащие только тему или только рему высказывания) – это всегда предложения с внешней перспективой. Иллокутивной силы лишены предложения, содержащие только новую или известную из контекста информацию. Это можно проследить на следующих примерах, в которых придаточные объектные содержат данное:

(9a) *"Ich bedaure, dass diese ganze Geschichte nicht zur Autorität der Organisation der Vereinten Nationen beiträgt", sagte Lawrow [31].*

(10a) *Краевед Валерия Лосева сожалеет, что с потерей имени города погибло дворянское самосознание Симбирска с его сдержанным достоинством [32].*

В приведенных высказываниях в главной части использованы фактивные предикаты. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, фактичность связана с пресуппозицией истинности, а нефактичность – с утверждением истинности. Пресуппозиция утверждения составляет обозначение события, уже введенного в качестве предмета речи, темы [33, с. 68]. В отрывках (9a) и (10a) фактивные предикаты пресуппонируют обозначенную в придаточном предложении информацию. Это влияет и на их иллокутивную силу – включение модальных маркеров в предложения данного типа невозможно:

(9b) *"Ich bedaure, dass (*ja, *vielleicht, *doch) diese ganze Geschichte nicht zur Autorität der Organisation der Vereinten Nationen beiträgt", sagte Lawrow [31].*

(10b) *Краевед Валерия Лосева сожалеет, что (*навверное, *ведь) с потерей имени города погибло дворянское самосознание Симбирска с его сдержанным достоинством [32].*

Как видно из приведенных высказываний, в придаточных не могут быть использованы модальные маркеры. Причина в том, что в главном предложении стоят фактивные предикаты, указывающие на «дискурсивную связанность» придаточного предложения, т. е. известность сообщаемой из предконтекста информации: речь идет о сообщении данного, а не нового. Соответственно, придаточные предложения такого типа не содержат субъективной оценки говорящего.

2. Внешняя перспектива находит отражение в предложениях, предикат в которых не имеет временной референции, т. е. речь идет о генеричных высказываниях типа *Лес рубят – щепки летят*:

(11a) *Деньги всегда идут туда, где все понятно [32].*

(12a) *Künstler gehen immer dorthin, wo die Dinge wachsen können [31].*

В высказываниях (8a) и (9a) предикаты главного и придаточного предложений не имеют временной референции, высказывания имеют обобщенный характер. Включение модальных маркеров невозможно:

(11b) *Деньги всегда идут туда, где (*навверное, *ведь) все понятно [32].*

(12b) *Künstler gehen immer dorthin, wo (*ja, *vielleicht, *doch) die Dinge wachsen können [31].*

3. Внешней перспективой обладают предложения, содержащие описание явлений природы, свойств предметов, лиц или явлений окружающего мира, или так называемые тетичные предложения, иницирующие текст или микротему. Классическим примером таких предложений могут послужить такие как *Es ist kalt. Es schneit*. Тетичные предложения – это простые суждения, данный термин в зарубежной германистике применительно к предложениям такого рода используется с момента появления работ японского германиста С. Куроды [34]. Сама по себе идея разграничения тетичных и категоричных суждений и типов предикаций восходит к наблюдениям философов Ф. Brentano и А. Марти; заслуга С. Куроды заключается в том, что он показал, что тетичное предложение – это простое суждение, воспринимаемое как нечто целостное, а категоричное суждение, напротив, трактуется им как двойственное суждение, включающее в себя предикационную базу и предикат. В японском языке тетичные предложения маркированы суффиксом *-ga*, категоричные суждения маркированы суффиксом *-wa*. Тетичным предложениям в немецком языке приписывается, прежде всего, свойство безличности: так, П.-М. Фогель указывает на то, что безличные предложения (z.B. *Es schneit; Es regnet*) уже изначально являются тетичными [35, S. 70], а В. Абрахам и Э. Лайсс пишут о специфике субъекта в тетичных предложениях: субъект и предикат в тетичных предложениях образуют целое, а не два различных синтаксических актанта [16, S. 32; 36]; они обладают своей спецификой в плане информационной структуры [36, S. 96]; тетичные предложения не могут содержать в своей структуре модальные частицы и не включены в дискурс [22; 36]. К тетичным предложениям относят предложения, в которых валентность предиката равна нулю (например, *Es schneit* (нем.), *Смеркается* (рус.)). Как правило, они не содержат известную из предконтекста информацию и обладают сокращенной глубинной структурой:

(13a) *Missmutig sehen wir aus dem Fenster und wünschen uns weit weg, dorthin wo es warm ist* [31].

(14a) *Я ведь всю жизнь там, где холодно и голодно!* [32]

(15a) *И ехидно вопрошали: если она шар, то почему моря, которые там, внизу этого шара, не выливаются?* [32]

Включение модальных маркеров в предложения данного типа невозможно:

(13b) *Missmutig sehen wir aus dem Fenster und wünschen uns weit weg, dorthin wo es (*ja, *vielleicht, *doch) warm ist* [31].

(14b) *Я ведь всю жизнь там, где (*наверное, *ведь) холодно и голодно!* [32]

(15b) *И ехидно вопрошали: если она шар, то почему моря, которые (*наверное, *ведь) там, внизу этого шара, не выливаются?* [32]

По нашим наблюдениям, придаточные данного типа содержат описания постоянных, а не переменных свойств мест/явлений. Если речь заходит о действиях, изменениях в прошлом/будущем, возникновении нового состояния или о приобретении новых свойств, то включение модальных показателей допустимо – предложения данного типа наделены уже внутренней перспективой:

(16) *Месторождения радиоактивных элементов залегают и близ кратера Айткен – там, где, наверное, появятся первые поселения людей* [32].

В приведенном примере придаточное предложение способно иметь в своей структуре модальный маркер, предикат этого предложения обладает временной референцией, и это позволяет говорить о присущей высказыванию внутренней перспективе.

4. Иллокутивной силой не могут обладать придаточные предложения, содержащие не факты действительности, а воображаемые, мыслимые факты:

(17a) *Если предприятие соответствует принятым в России нормам, ни у кого никаких проблем с экспортом не будет* [32].

(18a) *Wenn man Karriere machen will, muss man sich gewissen Regeln unterwerfen* [31].

Включение модальных маркеров в предложения данного типа невозможно:

(17b) *Если предприятие (*наверное, *ведь) соответствует принятым в России нормам, ни у кого никаких проблем с экспортом не будет* [32].

(18b) *Wenn man (*ja, *vielleicht, *doch) Karriere machen will, muss man sich gewissen Regeln unterwerfen* [31].

Придаточные условия Э. Лайсс [16] называет гипотетическими и указывает на их сходство с тетичными предложениями. Оно проявляется в том, что они представляют некий неоспоримый факт, существующий в представлении говорящего. Соответственно, формулируя предложение такого рода, гово-

рящий не ожидает от собеседника какого-либо утверждения или отрицания². С позиции прагматики речь идет о констатирующем, или манифестирующем речевом акте³.

Таким образом, временная референция, коммуникативная бинарность, бытийность, а также фактичность можно рассматривать как параметры, определяющие кодируемую в предложении перспективу, т. е. его иллокутивную силу. Иллокутивно несамостоятельные предложения с нулевой степенью модализованности могут быть обозначены как предложения с внешней перспективой, а иллокутивно самостоятельные предложения – как предложения с внутренней перспективой [29]. Предложения с внешней перспективой, как показывают примеры, обладают следующими свойствами: коммуникативно одночленны; не имеют временной референции и обозначают постоянные свойства предметов, объектов или явлений окружающего мира. Напротив, для предложений с внутренней перспективой характерны следующие свойства: коммуникативная двучленность; наличие временной референции и описание переменных, временных свойств объектов/явлений окружающего мира. Отчасти это перекликается с концепцией Э. Лайсс о различиях между лексикой и грамматикой [8; 9]. Обозначим некоторые положения ее концепции и проведем параллели между предложенной ею интерпретацией лексических/грамматических маркеров и двумя типами предложений.

Как отмечает Э. Лайсс [9], значения не являются субъективным отражением действительности, они intersubjektivны и включают в себя значимые признаки, которые мы связываем с определенной лексемой. Количество признаков ограничено и является результатом отбора из некоего конечного их количества⁴. Сами по себе значения не имеют конкретного референта. Для них нехарактерна локализация в пространстве и времени. Напротив, субъективные представления, или ассоциации, строятся на определенном опыте. Они локализованы в пространстве и

² В оригинале: «Thetische Sätze/Urteile haben mit hypothetischen gemein, dass sie nicht affirmieren oder negieren. Thetische Sätze SETZEN einen Sachverhalt. Sätze wie *Es regnet* oder *Es kommt ein Vogel geflogen* oder *Mir ist schlecht* stellen Sprechakte dar, welche vom Hörer kein Urteil in Form einer Assertion (positiv oder negativ) erwarten. In diesem Sinn SIND thetische Sätze präsupponierte Urteile. Satz und Urteil bleiben somit im thetischen Satz ununterscheidbar» [16, S. 18].

³ Hypothetische und thetische Sätze haben gemeinsam, dass sie nicht primär assertieren. Thetische Sätze werden nicht geäußert, damit sie bejaht oder verneint werden. Es sind, wie Abraham (in diesem Band) feststellt, keine Propositionen, sondern Illokutionen, genauer Sprechakte der Kundgabe [16, S. 36].

⁴ Bedeutungen sind somit intersubjektiv und bestehen aus relevanten Merkmalen [...]. Die Anzahl dieser Merkmale ist dabei endlich. Sie ist das Ergebnis der Selektion von begrenzt vielen Merkmalen [8, S. 287].

времени. Значения хранятся в семантической памяти, а данные индивидуального опыта – в эпизодической памяти⁵. Функция грамматики состоит в превращении абстрактных значений в обозначения. Обозначения имеют референцию к конкретным предметам, событиям и ситуациям в пространстве и времени. Превращение значений в обозначения осуществляется в предложении [8]. Как показывает анализ семантических и грамматических свойств предложений с внешней перспективой, речь идет о предложениях, лишенных субъективного опыта и в некоторых случаях не имеющих конкретного референта, локализованного в пространстве и времени. Это сближает свойства предложений с внешней перспективой со свойствами, характерными для компонентов лексикона.

Таким образом, грамматические значения и формы способны отражать видение происходящего говорящим только при определенных условиях: при наличии временной референции, коммуникативной бинарности и при описании переменных свойств предметов/объектов/явлений окружающего мира.

Заключение

В данной публикации были рассмотрены возможности исследования грамматических феноменов с позиции внешней и внутренней перспективы. Анализ различных теоретических работ и фактического материала позволил сделать следующие выводы.

1. Опыт средневековых схоластов подводит к мысли о том, что грамматика – это не просто набор правил и форм, а объяснение закономерностей языковых явлений. В основе интерпретации грамматических феноменов лежит принцип перспективы. Он позволяет дать толкование дифференциации слов по частям речи: глагол, имеющий формы наклонения и времени, отражает внутреннюю перспективу, имя существительное – внешнюю. Внутренняя перспектива свойственна и служебным частям речи – модальным словам и модальным частицам. Это объясняет их несовместимость с предложениями, в которых находит свое отражение внешняя перспектива.

2. Грамматические категории имени существительного и глагола также могут получить интерпретацию с позиции перспективы. Категория вида может отражать внешнюю и внутреннюю перспективу. Внутренняя перспектива – несовершенный вид, когда говорящий оценивает происходящее «изнутри», внешняя перспектива – совершенный вид, когда действие представлено как нечто целостное. Такой

параметр, как исчисляемость/неисчисляемость имени существительного, тоже можно рассматривать с позиции перспективы. В данном случае принцип перспективы может лечь в основу исследований межкатегориального взаимодействия.

3. Принцип перспективы в оценке синтаксических феноменов позволяет дифференцировать два типа предложений в соответствии с наличием в них иллюкутивной силы. Значимыми являются при этом такие параметры, как временная референция, коммуникативная бинарность и бытийность. Предложения с внешней перспективой коммуникативно односторонны, не имеют временной референции и обозначают постоянные объекты окружающего мира. Свойство внешней перспективы характерно для простых суждений. Предложения с внутренней перспективой коммуникативно бинарны, обладают временной референцией и в большинстве случаев маркируют переменные свойства объектов окружающего мира.

4. Описание морфологических и синтаксических феноменов с позиции перспективы позволяет в ряде случаев объяснить их комбинаторность: так, модальные слова и модальные частицы как показатели внутренней перспективы несовместимы с предложениями, в которых находит свое отражение внешняя перспектива.

Исследование грамматических феноменов с позиции перспективы объясняет закономерности их функционирования в высказывании и принципы его построения в целом. Рассмотренный подход отличается именно его способностью дать целостную характеристику лингвистических феноменов и раскрыть их глубинную природу. В дальнейшем он может лечь в основу построения грамматик конкретных языков, особенностью которых будет объяснение языковых фактов и наблюдаемых в их речевой реализации закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford : Clarendon Press, 2001. 331 p.
2. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1981. 533 S.
3. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin et al. : de Gruyter, 1992. 341 S.
4. Leiss E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin et al. : De Gruyter, 2000. 309 S.
5. Engel S. Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft? Frankfurt a. M. et al. : Peter Lang, 1998. 207 S.

⁵ Assoziationen speisen sich aus Erfahrungswissen; Bedeutungen abstrahieren dagegen von individuellen Erfahrungen. Bedeutungen werden im semantischen Gedächtnis gespeichert, individuelle Erfahrungsdaten dagegen im episodischen Gedächtnis [8, S. 288].

6. Köller W. Perspektivität und Sprache. Zur Struktur von Objektivierungsformen in Bildern, im Denken und in der Sprache. Berlin ; New York : de Gruyter, 2004. 910 S.
7. Leiss E. Sprachphilosophie. Berlin : de Gruyter, 2009. 257 S.
8. Leiss E. Das Zusammenspiel von mentaler Grammatik und mentalem Lexikon // Grammatik wozu? Vom Nutzen des Grammatikwissens im Alltag und Schule. Mannheim : Duden, 2012. S. 286–294.
9. Leiss E. Kodierung von Wissen und Erfahrung anhand von zwei unterschiedlichen Kopula- und Prädikatsqualitäten // Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 2017. S. 41–58.
10. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3., erweiterte Auflage. Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2013. 707 S.
11. Kotin M. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg : Winter Verlag, 2007. 372 S.
12. Kotin M. Zur referentiellen Identität von Tempus- und Modusformen // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht. Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 30. Frankfurt a. M. : Peter Lang, 2010. S. 29–38.
13. Kotin M. L. Der deutsche Dativ genealogisch und diachron. Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 2021. Bd. 143 Heft 1. S. 51–111.
14. Котин М. Л. Коррелирующие категориальные сигналы в синхронии, диахронии и типологии // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе : материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. М., 2017. Вып. V. С. 9–16.
15. Котин М. Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М. : ЯСК, 2018. 224 с.
16. Leiss E. Thetik, Kategorik und die Theorie der Kopula in der Universalgrammatik des Realismus. Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]. Tübingen : Stauffenburg, 2000. S. 15–42.
17. Kiser H. Wortarten in der modistischen Universalgrammatik // Linguistische Berichte. Sonderheft 24. Helmut Buske Verlag, 2017. S. 179–206.
18. Перельмутер И. А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. М., 1991. С. 7–66.
19. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen, Tübingen : Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.
20. Coniglio M. Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen // Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. (Studien zur deutschen Grammatik 77). Tübingen, 2009. S. 191–221.
21. Coniglio M. Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin : Akademie Verlag, 2011. 220 S.
22. Abraham W. Deutsche Modalpartikel in Nihthauptsatz- und Infinitivkonstruktionen. *Studia Germanistica Gedanensia* 41, Gdańsk, 2019. S. 17–36.
23. Frey W. Peripheral adverbial clauses, their licensing and the prefield in German // Satzverknüpfung – Zur Interaktion von Form, Bedeutung und Diskursfunktion. Berlin : De Gruyter, 2011. S. 41–77.
24. Haegeman L. Anchoring to Speaker, Adverbial Clauses and the Structure of CP // Working Papers in Theoretical Linguistics 2. Georgetown University, 2002. Pp. 117–180.
25. Haegeman L. The syntax of adverbial clauses, Ms., 2008. Pp. 1–46.
26. Chang-Uh Kang. Die sogenannten Kausalsätze des Deutschen. Eine Untersuchung erklärenden, begründenden, rechtfertigenden und argumentierenden Sprechens. *Internationale Hochschulschriften*. Bd. 197. Münster : Weissmann, 1996. 348 S.
27. Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2015. 243 S.
28. Averina A. Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik“. *Sprachwissenschaft*. 2020. Bd. 45, № 4, S. 425–471.
29. Averina A. Zwei Kopula-Typen, zwei Satzperspektiven und zwei Satzmodalitäten // Muttersprache. Wiesbaden, 2021. № 1. S. 40–61.
30. Rizzi L. The Fine Structure of the Left Periphery // *Elements of grammar : handbook in generative syntax*. Kluwer Academic Publishers, 1997. Pp. 381–338.
31. DWDS. URL: <https://www.dwds.de>
32. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>
33. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы. М. : ЛКИ, 2007. 384 с.
34. Kuroda Sige-Yuki. The categorical and the thetic judgement. Evidence from Japanese syntax // *Foundations of Language* 9. 1972. Pp. 153–185.
35. Vogel P. M. Das unpersönliche Passiv: Eine funktionale Untersuchung unter besonderer Berücksichtigung des Deutschen und seiner historischen Entwicklung. Berlin ; New York : De Gruyter, 2006. 288 S.
36. Abraham W. Zur Architektur von Informationsautonomie : Thetik und Kategorik. Wie sind sie linguistisch zu verorten und zu unterscheiden? Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]. Tübingen : Stauffenburg, 2020. S. 87–144.

REFERENCES

1. Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford : Clarendon Press, 2001. 331 p.
2. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft : Frankfurt a.M. Suhrkamp, 1981. 533 p.
3. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin et al.: de Gruyter, 1992. 341 p.

4. Leiss E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin et al.: De Gruyter, 2000. 309 p.
5. Engel S. Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft? Frankfurt a. M. et al.: Peter Lang, 1998. 207 p.
6. Köller W. Perspektivität und Sprache. Zur Struktur von Objektivierungsformen in Bildern, im Denken und in der Sprache. Berlin, New York: de Gruyter, 2004. 910 p.
7. Leiss E. Sprachphilosophie. Berlin: de Gruyter, 2009. 257 p.
8. Leiss E. Das Zusammenspiel von mentaler Grammatik und mentalem Lexikon. In: *Grammatik wozu? Vom Nutzen des Grammatikwissens im Alltag und Schule*. Mannheim: Duden, 2012. Pp. 286–294.
9. Leiss E. Kodierung von Wissen und Erfahrung anhand von zwei unterschiedlichen Kopula- und Prädikatsqualitäten. In: *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2017. Pp. 41–58.
10. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3., erweiterte Auflage. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013. 707 p.
11. Kotin M. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 372 p.
12. Kotin M. Zur referentiellen Identität von Tempus- und Modusformen. In: *Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht*. Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 30. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2010. Pp. 29–38.
13. Kotin M.L. Der deutsche Dativ genealogisch und diachron. Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall. In: *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 2021. Bd. 143, Heft 1. Pp. 51–111.
14. Kotin M. L. Korrelirovushchie kategorial'nye signaly v sinhnorii, diahnorii i tipologii [Correlating categorical signs in synchrony, diachrony and typology]. In: *Grammaticheskie kategorii germanskikh yazykov v antropocentricheskoy perspektive. Materialy chtenij pamyati V. N. YArcevoj*. Vyp. V. M., 2017. Pp. 9–16.
15. Kotin M. L. YAzyk i vremya. Ocherk teorii yazykovykh izmenenij [Language and time. Theory of language changes]. M.: Izdatel'skij dom YASK, 2018. 224 p.
16. Leiss E. Thetik, Kategorik und die Theorie der Kopula in der Universalgrammatik des Realismus. Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]. Tübingen: Stauffenburg, 2000. Pp. 15–42.
17. Kiser H. Wortarten in der modistischen Universalgrammatik. In: *Linguistische Berichte*. Sonderheft 24. Helmut Buske Verlag, 2017. Pp. 179–206.
18. Perel'muter I. A. Grammaticheskoe uchenie modistov [Grammar school of modists]. In: *Istoriya lingvisticheskikh uchenij. Pozdnee Srednevekov'e*. M., 1991. Pp. 7–66.
19. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Niemeyer Verlag: Tübingen, 1989. 314 p.
20. Coniglio M. Deutsche Modalpartikeln in Haupt- und Nebensätzen. In: *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*. (Studien zur deutschen Grammatik 77). Tübingen, 2009. Pp. 191–221.
21. Coniglio M. Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 220 p.
22. Abraham W. Deutsche Modalpartikel in Nichthauptsatz- und Infinitivkonstruktionen. *Studia Germanistica Gedanensia* 41, Gdańsk, 2019. Pp. 17–36.
23. Frey W. Peripheral adverbial clauses, their licensing and the prefield in German. In: *Satzverknüpfung – Zur Interaktion von Form, Bedeutung und Diskursfunktion*. Berlin: De Gruyter, 2011. Pp. 41–77.
24. Haegeman L. Anchoring to Speaker, Adverbial Clauses and the Structure of CP. In: *Working Papers in Theoretical Linguistics 2*. Georgetown University, 2002. Pp. 117–180.
25. Haegeman L. The syntax of adverbial clauses. Ms., 2008. Pp. 1–46.
26. Chang-Uh Kang. Die sogenannten Kausalsätze des Deutschen. Eine Untersuchung erklärenden, begründenden, rechtfertigenden und argumentierenden Sprechens. *Internationale Hochschulschriften*. Bd. 197. Münster: Weissmann, 1996. 348 p.
27. Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 243 p.
28. Averina A. Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. *Sprachwissenschaft*. 2020. Bd. 45, No. 4. Pp. 425–471.
29. Averina A. Zwei Kopula-Typen, zwei Satzperspektiven und zwei Satzmodalitäten. In: *Muttersprache: Wiesbaden*. 2021. No. 1. Pp. 40–61.
30. Rizzi L. The Fine Structure of the Left Periphery. In: *Elements of grammar: handbook in generative syntax*. Kluwer Academic Publishers, 1997. Pp. 381–338.
31. DWDS. Available at: <https://www.dwds.de>
32. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/>
33. Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy. M.: LKI, 2007. 384 p.
34. Kuroda Sige-Yuki. The categorial and the thetic judgement. Evidence from Japanese syntax. *Foundations of Language* 9. 1972. Pp. 153–185.
35. Vogel P. M. Das unpersönliche Passiv: Eine funktionale Untersuchung unter besonderer Berücksichtigung des Deutschen und seiner historischen Entwicklung. Berlin, New York: De Gruyter, 2006. 288 p.
36. Abraham W. Zur Architektur von Informationsautonomie: Thetik und Kategorik. Wie sind sie linguistisch zu verorten und zu unterscheiden? Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik [Studien zur deutschen Grammatik]. Tübingen: Stauffenburg, 2020. Pp. 87–144.

Московский государственный областной университет

Аверина А. В., доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии

E-mail: Anna.averina@list.ru

Поступила в редакцию 15 ноября 2021 г.

Принята к публикации 25 декабря 2021 г.

Для цитирования:

Аверина А. В. Интерпретация грамматических феноменов с позиции перспективы: к постановке проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/8994>

Moscow State Region University

Averina A. V., Doctor of Philology, Professor of the Germanic Philology Department

E-mail: Anna.averina@list.ru

Received: 15 November 2021

Accepted: 25 December 2021

For citation:

Averina A. V. Interpretation of grammatical phenomena from the point of view of the perspective: setting the problem. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 1. Pp. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/8994>